

Сидорчук И. В. Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов) / И. В. Сидорчук // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 462—480. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480.

Sidorchuk, I. V. (2021). Leisure in Time Budgets of Soviet Citizens in 1920s — Early 1930s. *Nauchnyi dialog*, 10: 462-480. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-462-480

Досуг в бюджетах времени советских горожан (по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов)

Сидорчук Илья Викторович^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
кандидат исторических наук, доцент
sidorchuk_iv@spbstu.ru

¹ Санкт-Петербургский
политехнический университет
Петра Великого
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Работа подготовлена при поддержке
гранта Президента РФ для молодых
ученых — кандидатов наук, проект
МК-1636.2020.6

Leisure in Time Budgets of Soviet Citizens in 1920s — Early 1930s

Ilia V. Sidorchuk^{1,2}
orcid.org/0000-0001-9760-2443
PhD in History, Associate Professor
sidorchuk_iv@spbstu.ru

¹ Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
(Saint Petersburg, Russia)

² St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

This article was prepared with the support
of the grant of the President of the Russian
Federation for young scientists-PhD,
project MK-1636.2020.6

© Сидорчук И. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются вопросы исследования бюджетов времени различных категорий советского населения в 1920-х — начале 1930-х гг. Уделяется внимание роли досуга в повседневности советского человека. Представлены результаты сопоставительного анализа материалов по обследованию роли досуга в бюджетах времени рабочих, учащейся молодежи, инженеров, партийных работников. Поднимается вопрос о том, что досуг имеет разную значимость в бюджетах времени мужчин и женщин, а также жителей столиц и провинции. В работе использовались положения и методы исторической антропологии, истории повседневности и досуга, проблемно-хронологический и сравнительно-исторический методы. Выполнен обзор общих и особенных для различных категорий населения черт в трате времени на досуг. Дана оценка степени репрезентативности результатов проводившихся в рассматриваемый период исследований бюджетов времени. Сделан вывод о том, что полагавшееся законодательством время на отдых на практике либо занималось работой, либо тратилось непродуктивно. Было доказано, что основными причинами этого была ненормированность рабочего дня, дополнительная работа и нерациональная организация свободного времени.

Ключевые слова:

история повседневности; история досуга; бюджеты времени; отдых; развлечения; история труда.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issues of studying the time budgets of various categories of the Soviet population in the 1920s — early 1930s is examined in the article. Special attention is paid to the role of leisure in the everyday life of the Soviet person and the reasons for its insufficient prevalence. The results of a comparative analysis of materials on the study of the role of leisure in the time budgets of workers, students, engineers, party workers are presented. The question is raised about the difference in the place of leisure in the time budgets between men and women, as well as residents of capitals and provinces. The provisions and methods of historical anthropology, the history of everyday life and leisure, problem-chronological and comparative-historical methods are used in the article. A review of the general and specific features for various categories of the population in the time spent on leisure has been carried out. An assessment of the degree of representativeness of the results of the studies of time budgets carried out in the period under consideration is given. It is concluded that the time that the legislation relied on for rest in practice was either engaged in work or wasted unproductively. It was proved that the main reasons for this were the irregularity of the working day, additional work and irrational organization of free time.

Key words:

history of everyday life; leisure history; time budgets; recreation; entertainment; labor history.

Досуг в бюджетах времени советских горожан по материалам исследований 1920-х — начала 1930-х годов

© Сидорчук И. В., 2021

1. Введение

В послереволюционные годы в трудовом законодательстве были закреплены новые нормы, регулировавшие время труда и отдыха. Одним из первых постановлений новой власти стал декрет СНК от 11 ноября (29 октября) 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне», законодательно утвердивший многолетнее требование социалистов всего мира и рабочих. Согласно ему рабочее время «не должно превышать 8 рабочих часов в сутки и 48 часов в неделю». Также «не более как через 6 часов от начала работ» устанавливался «свободный перерыв в работе для отдыха и для принятия пищи», который не должен быть короче 1 часа. Допускалась сверхурочная работа, которая должна была оплачиваться в двойном размере [Декрет СНК ..., 1942]. На практике эти нормы, особенно в первые годы, не всегда соблюдались, однако проводилось их последовательное утверждение, что должно было стать реальным символом улучшения жизни трудящихся.

Сокращение рабочего дня и необходимость развития промышленности остро поставили вопрос целесообразного использования времени труда, его рационализации, улучшения и удешевления работы. В связи с этим широкое развитие получили исследования бюджетов времени, ставшие важным и оригинальным достижением молодой советской социологии [Патрушев и др., 2001, с. 115]. Их проведение организовывалось различными структурами, в частности, региональными отделениями профсоюзов, научными институтами, Народным комиссариатом труда, отдельными учеными (педологами, экономистами и пр.). Внимание было обращено на те категории населения, в воспитании и «улучшении» которых власть была заинтересована: учащиеся, рабочие, инженеры, служащие, крестьяне и др. Таким образом, вне фокуса исследований оказывались понимаемые как априори враждебные новому строю группы, например, нэпманы или служители культа. Применялось два основных способа сбора данных: опрос и анкетирование, в ходе которого участвующим раздавались карточки обследования (хронокарты), где были напечатаны основные разделы обычного нормального распорядка трудового дня [Артемов и др., 2008, с. 93—98].

Целью настоящей работы является рассмотрение роли досуга в структуре бюджетов времени на материале исследований 1920-х — начала 1930-

х годов. Сам термин *досуг* тогда практически не использовался, в связи с чем мы предлагаем понимать под ним то, что в исследованиях описывалось как свободное от обязательств время, в которое включались отдых и развлечения. Также к нему можно отнести то, что могло пониматься как «свободный труд» — самообразование, слушание лекций и пр., то есть следствие добровольного выбора человека.

Главная сложность при анализе полученных в результате исследований данных состоит во множестве подходов к отнесению тех или иных практик к труду или досугу. Например, С. Г. Струмилин, автор первого демографо-социологического обследования бюджетов времени, ставшего во многом ориентиром для последующих работ, разделял труд на обязательный (оплачиваемый и неоплачиваемый (домашнее хозяйство, путь на работу, Всеобуч и пр.)) и свободный (самовоспитание и общественная деятельность). К отдыху он относил не только развлечения, «бездеятельный отдых» и нераспределенное время, но и еду [Струмилин, 1924, с. 11], за что некоторые коллеги его критиковали [Бурдянский и др., 1926, с. 8]. Самообразование и общественная работа могли интерпретироваться как «свободный труд» [Председатель правления ..., 1928, с. 19]. Иногда предлагался просто термин *отдых*, без каких-либо уточнений [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 13]. Чтение могло относиться как к трудовой нагрузке, так и к «свободным занятиям» [Бернштейн, 1927, с. 123]. Универсальной идеальной формулой распределения времени при этом провозглашалась формула «8+8+8» («восемь часов для труда, восемь — для сна, восемь — свободных») [Струмилин, 1982а, с. 178]. Именно с опорой на нее делались выводы о переработках, нехватке сна или отдыха.

Внимание к рациональному и продуктивному устройству свободного времени объяснялось несколькими причинами. В первую очередь, его пониманием как часов восстановления, подготовки к труду. Рабочий с трясущимися после праздника руками или работница после ночных танцев просто не могли качественно и продуктивно выполнять свои обязанности. Для занятых умственной деятельностью актуальной была задача «освежить» мозг [Семашко, 1926] и заниматься правильно организованным физическим трудом, чтобы избежать болезней, связанных с малоподвижностью [Ромм и др., 1927, с. 3]. Кроме этого, именно досуговое время власть могла использовать для агитационно-пропагандистской и воспитательной работы, то есть прививания новой системы ценностей и жизненных ориентиров. Праздничные демонстрации, работа заводских клубов, «вылазки» на природу, всевозможные зрелища должны были включать в себя идеологическую составляющую, не только развлекая, но и разъясняя политическую линию партии и задачи пролетарской диктатуры, организуя воспитатель-

но-политический контроль [Барышева, 2020, с. 132, 137]. Власть осуждала бесцельный отдых и поощряла посвящать свое свободное время политическому просвещению, обучению, превращению себя в физически и интеллектуально совершенных личностей [Vronskaya, 2013, p. 15]. Кроме этого, на официальном уровне декларировалось принципиально иное понимание дихотомии «труд — досуг». Если в капиталистических странах рабочее время и время рабочего (свободное время) — две антагонистические части целого, то в социалистических условиях, когда рабочий класс является господствующим классом, они дополняют друг друга и «первое становится основой второго» [Иткинд и др., 1933, с. 23—24].

При всей ценности результатов проведенных опросов и анкетирования многие данные, вероятно, требуют уточнения. В частности, они абсолютно не учитывали неэффективное использование самого рабочего времени: перерывы на перекуры, разговоры, шутки, «волынки», перекусы, прогулы, бездельничанье, опоздания и пр. Ситуация была более чем актуальной — трудовая дисциплина оставляла желать лучшего, а фактическое потраченное непосредственно на труд время могло быть существенно ниже 8 часов [Нежигай, 2012, с. 130; Ульянова, 2014]. Об этом косвенно свидетельствуют правила внутреннего распорядка предприятий, которые включали в себя такие пункты, как запрет игры в карты, ругань, пьянство, «всякое озорство» и даже чтение в рабочее время газет и книг [ЦГА СПб, ф. Р-3299, оп. 1, д. 2174, лл. 53—53 об., 96; ф. Р-1428, оп. 5, д. 27, л. 21—26]. Другим обстоятельством, сказывавшимся на результатах анкетирования, могло быть желание представить себя в лучшем свете, даже несмотря на анонимность опроса. Например, среди молодежи наблюдалось стремление исключить или снизить до минимума время на потребление спиртного, «бузовство» и «всякого рода занятия предосудительного порядка» [Бернштейн, 1927а, с. 12]. Также непросто было убедить опрашиваемых аккуратно и добросовестно в течение длительного времени ежедневно вести записи, так как «в противном случае вся работа может быть сорвана» [ЦГА СПб, ф. 4591, оп. 11, д. 397, л. 5].

2. Досуг в бюджетах времени учащейся молодежи

Среди обследованных категорий населения можно выявить как общие черты, связанные с местом и ролью досуга в их бюджетах времени, так и уникальные. То же можно сказать и о причинах внимания к различным слоям общества. Применительно к учащейся молодежи вопрос организации отдыха остро встал в связи с распространением в середине 1920-х годов нездоровых тенденций — аполитичности, бездеятельности, нервных заболеваний и даже самоубийств [Сидорчук, 2018, с. 10—12; Neumann,

2012]. Отсутствие времени на отдых не давало «возможности студенту глубже прорабатывать материал, необходимый для будущей его работы», подрывало здоровье и сводило «до минимума его культурные потребности и общественные навыки» [Колесникова и др., 1927, с. 102]. Исследования утверждали, что молодые люди страдали от перегрузок, и это было связано не столько со сложностью самих учебных программ, сколько с общим недостаточно высоким уровнем подготовки выходцев из рабочих и крестьянских семей. В связи с этим они были вынуждены много времени тратить на занятия вне аудиторий. Например, студенты Татарского коммунистического университета ежедневно были перегружены работой примерно на 1 час в день [Бурдянский и др., 1926, с. 32].

У студентов старших курсов 2-го Московского государственного университета (созданного путем преобразования Московских высших женских курсов) свободное время составляло от 0,5 до 3,75 ч в день. Определенной его частью были незапланированные перерывы в учебе — «окна» в расписании, неявка преподавателя и т. п., то есть неорганизованный и бесполезный простой [Семенов, 1927, с. 70]. На работу уходило более 9 ч, а на вспомогательный труд — более 3,5 ч [Семенов, 1927, с. 68]. В поисках средств некоторые учащиеся стремились найти какой-либо заработок, на что могла уходить существенная часть свободного от занятий времени. Нагрузка увеличивалась у занятых общественной работой.

Возможности активного отдыха ограничивались отсутствием не только времени, но и финансов, которые у подавляющего большинства студенчества традиционно были весьма скромные. Их нехватка приводила к минимизации культурных развлечений — кино, театра, спорта. Вместо этого приходилось довольствоваться бездеятельным отдыхом в общепитии, разговорами с товарищами и чтением («словом, дни отдыха, по-видимому, оправдывают свою терминологию» [Новиков, 1927, с. 79]). Психолог, сотрудник Научно-педагогического института методов школьной работы Наркомпроса РСФСР М. С. Бернштейн, комментируя полученные в ходе исследования бюджетов московской учащейся молодежи данные, отметил: «Вместо того, чтобы побольше быть на воздухе, совершать прогулки за город, немного отвлечься от своей умственной работы, наши обследуемые ухлопывают и то небольшое свободное время, которое остается у них после трудового дня, на занятия, опять-таки связанные с тем или другим умственным напряжением. Организованного, рационально поставленного же отдыха у них почти совсем нет. Немалая часть их “свободного времени” составляется из случайных отрезков времени, оказавшихся почему-либо ничем не заполненными каким-либо делом [Бернштейн, 1927б, с. 133]. Исследование быта студентов Пермского университета, проведенное уче-

ным-экономистом М. И. Альтшуллером, показало, что 53,89 % времени «растрачиваются преимущественно на потребности, которые могут быть сокращены до минимума при большей материальной обеспеченности студентов», а именно на необходимость стирать, чинить и приводить в порядок одежду, готовить и т. п. [Альтшуллер, 1924, с. 9]. Праздничные дни также не были днями отдыха в полном смысле слова. Во-первых, они использовались для того, чтобы выспаться, а во-вторых, для домашних дел и подготовки к занятиям. Исследователи указывали на чрезвычайно малые затраты времени на физкультуру и спорт, несмотря на всю его поддержку и пропаганду, особенно среди молодежи: «... мы прямо можем сказать, что и здесь дело обстоит совсем неблагоприятно. И в самом деле: на самом низком месте стоят занятия по физкультуре, спорту и развлечениям. Большей частью в среднем на человеко-день приходится всего несколько минут таких занятий, причем большей частью это время уходит на разного рода развлечения в виде посещения кино, театра или даже общественной лекции. Для физкультуры и спорта в непосредственном смысле слова, конечно, времени не хватает» [Бернштейн, 1927б, с. 132; Grant, 2011]. Обращает также на себя внимание отсутствие в исследованиях специального внимания к досуговым практикам, связанным с тем, что можно назвать выстраиванием отношений, в частности, свиданиям, интимным встречам и пр. Пункты анкеты подразумевали растворение этого времени в неорганизованном досуге, демонстрируя тем самым его нежелательность.

3. Досуг в бюджетах времени рабочих

Не менее актуальной задача рациональной организации досуга была и для рабочих. Исследователи обращали внимание на то, что неправильное использование ими гарантированного законодательством времени на отдых напрямую сказывается на работе: «Мероприятия, содействующие повышению производительности труда, также отнюдь не исчерпываются вопросами организации труда в самом производстве, а определяются в известной степени также условиями бытовыми. Если вместо отдыха, восстанавливающего силы после производственной работы, вместо спорта, укрепляющего здоровье, или вместо культурных развлечений и учебы рабочий будет тратить свое свободное время на беготню по магазинам, а женщина-работница сверх основной производственной работы по 5—6 часов ежедневно работать в своем домашнем хозяйстве, — все это конечно не может не отражаться самым отрицательным образом также и на производительности их труда. Мероприятия по улучшению рабочего быта, а также по рациональной организации рабочего отдыха занимают, следовательно, далеко не последнее место в системе мероприятий по повышению произ-

водительности труда» [Михеев, 1932, с. 7]. Как показало обследование, организованное С. Г. Струмилиным в 1922—1923 годах среди 76-ти рабочих семей из Москвы, Петрограда и Иваново-Вознесенска, на свободный труд и на развлечения в будний день работающие мужчины и женщины тратили примерно по одному часу. При этом на бездеятельный отдых мужчины также тратили около часа в день, тогда как работавшие женщины лишь 3 мин. Свободный труд (чтение, кружки, курсы, общественная работа, митинги, манифестации) занимал около 25 ч в месяц на каждого работника, включая домашних хозяек [Струмилин, 1924, с. 23—25]. Из него почти половина (47,2 %) тратилась на чтение книг, а около четверти (24,1 %) — газет [Струмилин, 1924, с. 23—25]. Рабочая молодежь много времени уделяла танцам и прогулкам, тогда как у взрослых мужчин и женщин, работающих на фабрике, активные физические развлечения отнимали в три раза меньше времени, у домохозяек — в 10 раз. Такие виды отдыха, как физкультура, спортивные игры (футбол и городки), охота, занимали 7,6 ч в месяц у мужчин, 7,2 ч у работниц и 2 ч у домохозяек. Из других видов активного отдыха у женщин преобладали музыка и пение. Мужчины отдавали предпочтение «умственным» видам досуга — шахматам и шашкам, в которые женщины, если верить полученным данным, не играли. Примерно 1—2 ч в месяц тратилось на карты и лото. Пассивный отдых состоял в приеме и посещении гостей (9,8 ч в месяц у мужчин, 15,8 ч — у работниц, 7,7 ч — у домохозяек), зрелищ в виде кино и театра (4,5 ч у мужчин, 2,6 ч у работниц, 2,3 ч у домохозяек), посещении храмов (1,5 ч у мужчин, 3,7 ч у работниц и 3,1 ч у домохозяек). Чайные и трактиры были исключительно мужским досугом — 2,1 ч в месяц. Несравнимо больше времени тратилось на бездеятельный отдых и нераспределенное время — 60,2 ч у рабочих, 17,7 ч у работниц, 62,4 ч у домохозяек. Таким образом, пассивный досуг существенно превышал активный, а меньше всего отдыхали работающие женщины, которым приходилось после фабрики или завода тратить много времени на домашний труд. В связи с этим С. Г. Струмилин заявлял: «Досуги эти, увы, пока очень невелики. Но, если из них вытеснить целый ряд весьма сомнительных затрат времени на картежный азарт, пустую болтовню и пересуды с кумушками, на угарный разгул пивных и трактиров, на борьбу с зевотой в атмосфере гугниво-сусального благолепия наших храмов и тому подобные “удовольствия”, то несомненно осталось бы время и для живых споров и бесед в рабочих клубах, и для художественных экскурсий в наши лучшие картинные галереи, и на многое другое» [Струмилин, 1924, с. 36].

Исследования более позднего времени показали отсутствие конструктивных изменений в структуре досуга рабочих. Материалы, собранные

Ленинградским научно-исследовательским институтом коммунального и жилищного хозяйства и строительства в начале 1930-х годов, также демонстрировали существенную разницу в трате времени на домашний труд: у мужчин она составляла 1 ч в день, тогда как у женщин 4 ч. Бездеятельный, то есть неорганизованный отдых все так же занимал более значительное место, чем активный: от 1 ч у работницы до 7 ч у престарелых членов семьи и детей. В свободный день одинокий мужчина тратил на активный отдых 1,76 ч, на бездеятельный — 4,8 ч; семейный с детьми мужчина тратил 1,5 ч на активный, на бездеятельный — 4,56 ч. На самовоспитание одинокие тратили 1,33 ч, семейные — 1,41 ч [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 67]. Постепенно начавшийся с 1927 года переход на 7-часовой рабочий день привел к тому, что рабочие стали больше времени тратить на учебные занятия в школах и кружках (с 0,45 до 0,71 ч), развлечения (с 1,14 до 1,23 ч), сон и бездеятельный отдых (с 8,16 до 8,33 ч). При этом спорту все еще уделялось недостаточное внимание. Исследователи обратили внимание и на различия в структуре досуга между высококвалифицированными рабочими, которые больше времени тратили на учебу и общественную работу, и менее квалифицированными, предпочитавшими бездеятельный отдых. В частности, выделялись строители, недавно осевшие в городе, у которых «нет еще достаточных навыков заводского рабочего» [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 62]. Культурные расходы моментально сокращались с уменьшением дохода, а кроме этого, признавалось, что культурная сеть «еще не вполне приспособилась к тем несомненным излишкам времени, которые имеются у значительной части обследованных» [Лебедев-Патрейко и др., 1933, с. 75].

Изучение бюджетов времени рабочих Москвы и Московской области, проведенное Московским областным советом профессиональных союзов в начале 1930 года, было одним из немногих, где использовался термин *досуг* применительно ко времени, которым трудящийся «может располагать свободно» [Михеев, 1932, с. 5]. К нему относились развлечения, спорт, бездеятельный отдых, на который в течение буднего дня рабочий-мужчина тратил 1,85 ч, домашняя хозяйка — 1,26 ч и женщина-работница, вынужденная заниматься домашним трудом, — всего лишь 0,55 ч [Михеев, 1932, с. 24]. В выходные возрастало время, уделяемое активному отдыху и развлечениям, но это не в полной мере относилось к физкультуре: «Следует в то же время здесь отметить, что время, уделяемое другому виду активного отдыха — физкультуре и спорту, хотя и повышается в выходной день, но само по себе остается весьма незначительным, особенно у женщины. Рабочие-мужчины в среднем затрачивали на физкультуру и спорт в рабочий день 0,13 ч, в выходной день 0,62 ч, женщины-работницы соответ-

ственно 0,02 и 0,05 ч, а домохозяйка совершенно не знает этого вида отдыха» [Михеев, 1932, с. 29]. Всего физкультурой и спортом занималось 34,1 % московских рабочих. Наиболее популярными являлись гимнастика и зарядка — 10,6 %, охота и рыбная ловля — 13 %, лыжи и коньки — 5,9 %, футбол, волейбол, баскетбол — 10,6 %, прочие игры в мяч (лапта, теннис и пр.) — 1,2 %, гребной спорт — 8,2 %, городки и прочие физические игры — 11,8 %, катание на велосипеде и верховая езда — 3,3 %. В отличие от начала 1920-х годов резко снизилось время на исполнение религиозных церемоний. Только 2 % мужчин, 10 % зарабатывающих женщин и 13 % домохозяек тратили на это свое время.

В Москве самообразованием в той или иной степени занимались все мужчины-рабочие, 71,2 % работниц и 56,7 % домохозяек. Всего на него у мужчин уходило 64,8 ч в месяц, из которых на чтение газет — 21,4 ч, книг и журналов — 18,5 ч, посещение лекций и докладов — 2,5 ч, экскурсии — 0,8 ч, подготовку к учебным занятиям — 6 ч, посещение школ и курсов — 12,7 ч, технических и художественных кружков — 0,2 ч, школ политграмоты — 2,7 ч. У работающих женщин почти все показатели были ниже: чтение газет — 7,6 ч, книг и журналов — 8 ч, посещение лекций и докладов — 0,6 ч, однако они активней посещали экскурсии (музеи, выставки) — 1,6 ч. Всего у работающих женщин на самообразование в месяц уходило 23,6 ч [Михеев, 1932, с. 49—50].

На развлечения мужчины-рабочие Москвы всего тратили 69,1 ч в месяц, из них на прогулки — 19,4 ч, танцы — 0,1 ч, пение и игру на музыкальных инструментах — 1,2 ч, слушание радио — 16,2 ч, шахматы и шашки — 4,9 ч, игру в карты, лото и пр. игры — 3 ч, прием и посещение товарищей, знакомых и родных — 15,6 ч, посещение кино — 4,8 ч, театров — 1,4 ч, концертов — 1,2 ч, цирков — 0,4 ч, чайных и пивных — 0,3 ч, посещение семейных вечеров и вечеров самодеятельности — 0,6 ч. У работающих женщин всего на развлечение тратилось 27,5 ч в месяц, из которых на прогулки — 9 ч, радио — 3,4 ч, гадание — 0,1 ч (у мужчин трат на него не было зафиксировано), прием и посещение товарищей и родных — 8,8 ч, кино — 2,9 ч, театры — 0,9 ч, концерты — 0,4 ч, цирки — 0,1 ч, семейные вечера и вечера самодеятельности — 0,4 ч, карты, лото и подобные игры — 0,6 ч, шахматы и шашки — 0,2 ч, пение и игру на музыкальных инструментах — 0,6 ч, танцы — 0,1 ч, при этом они не посещали чайные и пивные [Михеев, 1932, с. 56]. С удовлетворением авторы исследования отмечали, что такие «пережитки дореволюционного прошлого», как карты и гадание «мало-помалу изживаются и уступают место в рабочем быту новым культурным формам развлечений — радио, кино, театру и пр. Правда, процесс внедрения в рабочий быт всех этих культур-

ных форм развлечений идет, может быть, недостаточно быстрыми темпами» [Михеев, 1932, с. 58]. Распространению культурного отдыха мешала не только несознательность рабочих, но и его недоступность, особенно для жителей области, где не было ни театров, ни цирка. Если в Москве пивные посещало 10,6 % рабочих, то в области — 29,3 %. В целом цифры потребления алкоголя рабочими, представленные в исследованиях, нам представляются достаточно спорными. Например, в ряде изданий конца 1920-х годов можно встретить данные о том, что доля пьющих промышленных рабочих после отмены сухого закона непрерывно росла, и к концу 1920-х годов около 90 % промышленных рабочих были пьющими [Ларин, 1929, с. 7—8; Ульянова, 2008, с. 85].

Г. Иткинд и Б. Горчаков, проводившие исследование бюджетов времени рабочих в начале 1930-х годов, стремились указать на улучшение их положения, произошедшее в советское время. В частности, на то, что повысились траты свободного времени на учебу, общественную работу и самовоспитание. Немного снизилось время на домашний труд: у работающих женщин с 5 ч до 4,79 ч (хотя у домохозяек оно даже выросло — с 9,94 ч до 9,97 ч), у мужчин — с 1,79 ч до 1,65 ч в день [Иткинд и др., 1933, с. 28—29]. При этом большую трату времени на уборку авторы объясняли увеличением жилищной площади. Траты на отдых и досуг (еда, развлечения, физкультура, спорт и бездеятельный отдых) у мужчин выросли с 4,15 ч до 4,99 ч, у работниц — с 3,07 ч до 3,24 ч, а у домохозяек этот показатель снизился — с 3,61 ч до 3,30 ч. Был зафиксирован рост траты времени на физкультуру у мужчин — с 0,05 ч в 1923 году до 0,19 ч в 1930 году. Несмотря на позитивную тенденцию, он был не таким уж и значительным, что не помешало авторам сделать вывод об «огромных и весьма внушительных» сдвигах [Иткинд и др., 1933, с. 31].

4. Бюджеты времени и досуг служащих

Можно было предположить, что намного больше времени на досуг будут тратить работники умственного труда, тем более что значительная часть служащих работала 6 ч в день. Однако на практике ситуация была иной. Как показало исследование С. Г. Струмилина, проведенное в конце 1923 года, у служащих временные затраты на производственный труд фактически были «много больше» шести часов: у мужчин — 7,68 ч, у женщин — 7,39 ч. Вместе с домашним трудом в будние дни это составляло 10,5 ч, а у женщин — 12—13 ч. В эти цифры не входил свободный труд — чтение и общественная деятельность: в будний день — 2,7 ч у мужчин, 1,46 ч у женщин, 0,54 ч у домохозяек [Струмилин, 1982б, с. 215—217]. Рабочий день служащего был не нормирован, наполнен «канцелярской во-

локитой» и сверхурочной работой или суетливой спешкой: «всякого рода задания свыше, всегда совершенно “секретные” и необыкновенно “срочные”» [Струмилин, 1982б, с. 222].

На развлечения мужчины-служащие в будние тратили 0,65 ч, женщины — 0,61 ч, домохозяйки — 0,96 ч. Бездеятельный отдых занимал соответственно 0,56 ч, 0,31 ч и 0,65 ч. Существенно ниже, чем у рабочих, были религиозные потребности — 0,04 ч, 0,05 ч и 0,1 ч в будние дни. В праздничные дни временные траты на отдых увеличивались. На развлечения тратилось 3,45 ч, 3,27 ч и 2,53 ч, на бездеятельный отдых — 1,28 ч, 1,18 ч и 0,81 ч. Многие были вынуждены в праздничные дни выполнять урочную и сверхурочную работу, то есть даже переработок в будние дни для них было недостаточно. Женщины, как и в рабочих семьях, много времени тратили на домашний труд — 4,88 ч. Соответственно они не могли достаточно заниматься самовоспитанием и общественной деятельностью: у мужчин в выходной этот показатель составлял 3,25 ч, у работающих женщин — 2,08 ч, у домохозяек — 0,73 ч [Струмилин, 1982б, с. 223].

Материалы по бюджетам времени специалистов-мужчин (заведующих отделами и подотделами, экономистов, инженеров, консультантов и пр.), собранные Московским областным отделом союза совторгслужащих в 1930 году, показали, что при 7-часовом рабочем дне в будни на развлечения (посещение зрелищ, игру на музыкальных инструментах) тратилось 37 мин, а в праздники — 1 ч 58 мин. При этом они присутствовали в бюджетах времени только 60,7 % опрошенных. Отдых (в основном чтение) занимал соответственно 1 ч 44 мин и 4 ч 1 мин. При этом ежедневно они вынуждены были тратить на выполнение служебной работы 1 ч 20 мин (на подготовку к докладам, проверку материалов и пр.). В будни 1 ч 17 мин тратилось на литературную и научную работу на дому, в выходные — 2 ч 25 мин [Видревич, 1930, с. 22—23]. Комментируя эти цифры, авторы задавались вопросом: «Где тот 42-часовой непрерывный еженедельный отдых, существования которого мы так долго добивались?» [Видревич, 1930, с. 31]. А ведь от специалиста требовалась «помимо его специальных познаний совершенно четкая политическая установка во всех вопросах нашей экономической политики и хозяйственного строительства, во всех вопросах реализации той суммы мероприятий, которая именуется “генеральной линией партии”». Техническая подготовка должна сочетаться с общественно-политическим кругозором» [Видревич, 1930, с. 4]. Спорт и физкультура также не занимали должного места в бюджетах времени — в среднем им уделяли 4 мин в будние и 26 мин в праздничные дни. Всего же ими занималось только 14,3 % опрошенных [Видревич, 1930, с. 31].

5. Досуг инженерно-технических специалистов и общественников

С началом индустриализации повышенное внимание стало обращать на инженерно-технические кадры, в продуктивности работы которых государство было крайне заинтересовано. Исследование бюджетов их времени, проведенное в начале 1928 года по опросам более 3200 человек, показало «явное неблагополучие»: «... обилие всякой канторской, не производственной работы отнимает у каждого специалиста ежедневно в среднем свыше 3 часов» [Киржнер и др., 1929, с. 42; Киржнер и др., 1928, с. 545—547]. У высшего персонала эта цифра составляла 4 ч 5 мин («канцелярщина заедает»). Подавляющее большинство инженерно-технического персонала прибегало к сверхурочным работам. Такое же распространение имела, и работа в воскресные и праздничные дни, работа на дому. Среди форм досуга наиболее распространенным являлось чтение книг — 80,5 % обследованных, газет и журналов — 95 % [Киржнер и др., 1929, с. 63, 65]. Эти показатели были характерны для всех промышленных районов страны. Высший персонал на отдых и развлечения тратил в среднем 2 ч 28 мин в день, саморазвитие — 1 ч 39 мин, средний персонал — 2 ч 30 мин и 1 ч 58 мин, младший — 2 ч 47 мин и 2 ч 8 мин. Таким образом, высший персонал, несмотря на более высокий доход и комфортные жилищные условия, тратил на досуг меньше времени [Киржнер и др., 1929, с. 43]. Отпуск в натуре (без замены денежной компенсацией) получили в 1927 году 67,5 % всех инжтехработников. При этом их заработок позволял более чем четверти отпускников проводить свой отпуск на курортах Крыма и Кавказа.

Из всех обследовавшихся категорий населения меньше всего возможностей тратить время на досуг было у занимавшихся организаторской и общественной работой. Так, комсомолец-активист взамен полагающегося ему восьмичасового отдыха уделял большую часть такового на трудовые затраты, а воскресенье у всех без исключения являлось лишь обычным, более или менее нормальным, рабочим днем. В раздел «работа» входила работа в учреждениях и вне их, в ячейках, на дому, руководство кружком, участие в заседаниях и собраниях. Из-за этого у них не хватало времени на столь важное и актуальное самовоспитание, в основном ограничивавшееся чтением газет [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 65]. На отдых в целом тратилось примерно 3—4 ч в будний день и около 7 ч в выходной, и это при том, что в данном обследовании в него включали туалет, еду, развлечения, бездеятельный отдых и нераспределенное время, а также болезни [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 13, 81]. Из них на развлечения тратилось в будний день 1—1,5 ч (3 ч 49 мин в выходной). На бездеятельный отдых и нераспределенное время в будни в среднем уходило 35 мин (1 ч 14 мин в выходной). По причине усталости преобладали пассивные развлечения: беседы с то-

вариантами (на дому, в гостях) и зрелища (кино, театр, клуб и т. д.). Плохо обстояли дела с физкультурой: гимнастикой на дому в среднем занималось только 8,8 % опрошенных, посещали спорткружки — 6,4 %, эстетическим развлечениям (пение, музыка) предавалось 7,2 %, умственным (это шашки и шахматы) — 23,2 %. Более распространенными были прогулки — их устраивали для себя 64 % обследованных. Резюмируя изложенное, авторы исследования пришли к следующему выводу: «Комсомолец-активист в первую очередь использует свой отдых на зрелища. На втором месте идут прогулки, на третьем — беседа с товарищами, на четвертом — шашки и шахматы и на последнем — физкультура. Ближайшей задачей для комсомольца-активиста должно являться перенесение физкультуры с последнего места на первое» [Труд, отдых, сон ..., 1926, с. 96].

Обследование бюджетов времени председателей правлений московских клубов, проведенное культурно-просветительным отделом Московского губернского совета в 1928 году, показало, что их производственный труд достигает в среднем 11 ч 21 мин, включая праздничные дни. Такая перегрузка приводила к понижению продуктивности работы, а ведь председатели правления клубов — «это созданный революцией кадровый состав для организации культурно-просветительной работы среди членов профсоюзов» [Председатель правления ..., 1928, с. 9—10]. Много времени уходило на финансово-хозяйственную работу, заседания, поездки и ожидания — то есть то, что было следствием нерациональной организации и постановки работы. На чтение руководящих материалов и литературы по культработе тратилось лишь по 5 мин ежедневно. На прогулки / физкультуру в среднем в день — всего 7 мин, а на развлечения и бездельный отдых — 43 мин. На свободный труд (самообразование и общественную работу) — 1 ч 44 мин [Председатель правления ..., 1928, с. 19]. В итоге получалось, что после напряжений и нервной работы председатель отдыхал всего лишь 2 ч, естественно, не восстанавливал затраченной им трудовой энергии и быстро «изнашивался» [Председатель правления ..., 1928, с. 43].

Весьма примечательно, что у всех категорий обследованных повышение временных затрат на работу происходило за счет часов отдыха, а не сна. Средняя продолжительность последнего у различных категорий городского населения была около 7,5 ч, то есть не критично ниже установленных в качестве желательных для здоровья 8 ч. Показательно при этом, что если исследователи 1920-х годов интерпретировали эту цифру как свидетельство хронического недосыпа, то в начале 1930-х годов они могли быть не столь категоричны. Например, Г. Иткинд и Б. Горчаков, желая продемонстрировать качественное улучшение положения рабочего,

сделали вывод, что это вовсе не недосып, а «вполне соответствует физиологической норме сна». Более того, его снижение у мужчин связано с ростом культурных запросов, что и приводило к желанию на нем экономить [Иткинд и др., 1933, с. 31].

6. Заключение

В результате общим для всех исследуемых категорий населения оказывалось то, что желательный здоровый режим не соблюдался, и время, отведенное на отдых, либо занималось работой, либо тратилось непродуктивно. Основными причинами этого была ненормированность рабочего дня, дополнительная работа (общественная, домашняя), нерациональная организация свободного времени. За рассматриваемый период ситуация незначительно изменилась в лучшую сторону. Также не удалось преодолеть пропасть в разнице трат на домашний труд между представителями различных полов: в то время как мужчина после работы отдыхал, работница была вынуждена заниматься домашним хозяйством, что резко ограничивало возможности ее самообразования и общественной деятельности. Структура и форма досуга домохозяек также принципиально не поменялась. Отсутствие качественного досуга вело к «изнашиванию» кадров, особенно заметное среди активистов, занятых общественной работой. Это не могло не тревожить власти, ведь от их труда зависела реализация партийной политики. Не менее важной представлялась проблема тотального невнимания к физкультуре и спорту, понимавшихся как лучшее средство восстановления не только физических, но и душевных сил. Усталость на работе, отсутствие финансовых возможностей или досуговых пространств вели к превалированию пассивного отдыха над активным: бездеятельный отдых, разговоры с друзьями и соседями, кино, чтение. Особенно это негативно сказывалось на учащих и работниках умственного труда, которым требовался подвижный отдых. Исходя из результатов исследований, можно сделать вывод о нераспространенности девиантных практик. Предположим, что это может объясняться как возможным умышленным искажением информации анкетирруемыми, так и тем, что несознательные элементы (пьяницы, хулиганы, прогульщики и пр.) вряд ли бы стали терпеливо заполнять хронокарты в течение нескольких недель, поэтому их просто не было среди обследуемых. При развитии досуговой инфраструктуры, росте доходов и уровня образования временные траты на «разумный» досуг увеличивались, что видно по инженерно-техническим специалистам. Также больше возможностей было у жителей крупных городов: их досуг был насыщенней благодаря широкому спектру развлечений.

Источники и принятые сокращения

1. *Альтшуллер М. И.* Бюджет времени пролетарского студента Пермского университета / М. И. Альтшуллер. — Пермь : Пермполиграф, 1924. — 36 с.
2. *Бернштейн М.* Зачем и как мы изучаем бюджет времени молодняка? / М. Бернштейн // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927а. — С. 4—30.
3. *Бернштейн М.* О чем говорят наши цифры / М. Бернштейн // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927б. — С. 111—136.
4. *Бурдянский И. М.* Рабочая нагрузка студента Татарского коммунистического университета / М. И. Бурдянский, М. А. Юровская. — Казань : [б. и.], 1926. — 77 с.
5. *Видревич Я. В.* Бюджет времени и заработная плата специалистов. Статистико-экономические очерки / Я. В. Видревич — Москва : Гострудиздат, 1930. — 116 с.
6. *Декрет СНК от 11 ноября (29 октября) 1917 года «О восьмичасовом рабочем дне»* // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. — Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. — С. 10—13.
7. *Иткинд Г.* Бюджет времени рабочего в СССР / Г. Иткинд, Б. Горчаков // Вопросы профдвижения. — 1933. — № 7. — С. 23—31.
8. *Киржнер Д.* Рабочее время горняцкого инжтехперсонала / Д. Киржнер, Б. Турубинер // Инженерный труд. — 1928. — № 12. — С. 545—547.
9. *Киржнер Д.* Труд и быт инженерно-технического персонала в горной промышленности / Д. Киржнер, Б. Турубинер. — Москва : Издание ЦК Союза горнорабочих СССР, 1929. — 93 с.
10. *Колесникова А.* Бюджет времени студентов педагогического техникума имени Профинтерна (Опыт длительного учета) / А. Колесникова, Т. Первова // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 86—102.
11. *Ларин Ю.* Алкоголизм промышленных рабочих, и борьба с ним / Ю. Ларин. — Москва : Общество борьбы с алкоголизмом, 1929. — 47 с.
12. *Лебедев-Патрейко В.* Бюджет времени рабочей семьи. (По материалам ленинградского обследования) / В. Лебедев-Патрейко, Г. Рабинович, Д. Родин. — Ленинград : ЛНИИКС, 1933. — 156 с.
13. *Михеев В.* Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области / В. Михеев. — Москва ; Ленинград : Экономгиз, 1932. — 102 с.
14. *Новиков В.* Бюджет времени слушателей педтехникума имени товарища Троцкого / В. Новиков // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 73—85.
15. *Председатель правления клуба (На основе изучения бюджета времени)* / предисловие : С. Дулин. — Москва : Труд и книга, 1928. — 60 с.
16. *Ромм М. Д.* Баскетбол / М. Д. Ромм, С. В. Сысоев. — Москва ; Ленинград : Центральная типография Наркомвоенмора, 1927. — 112 с.
17. *Семашко Н. А.* Ленин и физкультура / Н. А. Семашко // Смена. — 1926. — № 2. — С. 14.
18. *Семенов М.* Бюджет времени московского педфаковца / М. Семенов // Бюджеты времени нашего молодняка. — Москва ; Ленинград : Государственное издательство, 1927. — С. 57—72.

19. Струмилин С. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—1923 году. Статистико-экономические очерки / С. Струмилин. — Москва ; Ленинград : Вопросы труда, 1924. — 155 с.
20. Струмилин С. Г. Бюджет времени русского рабочего в 1922 г. / С. Г. Струмилин // Проблемы экономики труда. — Москва : Наука, 1982а. — С. 178—189.
21. Струмилин С. Г. Бюджет времени служащих / С. Г. Струмилин // Проблемы экономики труда. — Москва : Наука, 1982б. — С. 215—229.
22. Труд, отдых, сон комсомольца-активиста (По материалам выборочного обследования бюджетов времени активных работников РЛКСМ) / составитель М. Масунин. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1926. — 111 с.
23. ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. Р-3299. Оп. 1. Д. 2174. Л. 53—55 об., 96 ; Ф. Р-1428. Оп. 5. Д. 27. Л. 21—26 ; Ф. Р-4591. Оп. 11. Д. 397. Л. 5.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемов В. А. Эмпирические исследования затрат времени в СССР (1920—1930-е гг.) / В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2008. — № 4 (228). — С. 92—104.
2. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах» : советский праздник в социальном конструировании нового общества / Е. В. Барышева. — Москва : РГГУ, 2020. — 192 с. — ISBN 978-5-7281-2587-7.
3. Нежигай Э. Н. Бюджет времени кубанских горожан в 20-е годы XX века / Э. Н. Нежигай // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. — 2012. — № 3—4 (55—56). — С. 129—136.
4. Патрушев В. Д. Изучение бюджетов времени в России XX в. / В. Д. Патрушев, В. А. Артемов, О. В. Новохацкая // Социологические исследования. — 2001. — № 6. — С. 112—120.
5. Сидорчук И. В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах / И. В. Сидорчук // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 7—15. — DOI: 10.18721/JHSS.9301.
6. Ульянова С. Б. Потребление алкоголя рабочими промышленных предприятий в 1920-е гг. / С. Б. Ульянова // История в подробностях. — 2014. — № 4 (46). — С. 82—87.
7. Ульянова С. Б. «То на скаку, то на боку» : Массовые хозяйственно-политические кампании в петроградской / ленинградской промышленности в 1921—1928 гг. / С. Б. Ульянова. — Санкт-Петербург : Издательство Политехнического университета, 2006. — 530 с. — ISBN 5-7422-1380-8.
8. Grant S. The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s / S. Gran // The Slavonic and East European Review. — 2011. — № 89 (3). — Pp. 494—515. — DOI: 10.5699/slaveasteurev2.89.3.0494.
9. Neumann M. “Youth, it’s your turn!” : generations and the fate of the Russian Revolution (1917—1932) / M. Neumann // Journal of Social History. — 2012. — № 46 (2). — Pp. 273—304. — DOI: 10.1093/jsh/shs098.
10. Vronskaya A. From Socialist Culture to Capitalist Leisure / A. Vronskaya // Historic Gardens Review. — 2013. — № 28. — Pp. 15—19.

MATERIAL RESOURCES

- Altshuller, M. I. (1924). *Budget time of the proletarian student of Perm University*. Perm: School "Permpoligraf". 36 p. (In Russ.).
- Bernstein, M. (1927a). Why and how do we study the time budget of young? In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 4—30. (In Russ.).
- Bernstein, M. (1927b). About how to use numbers. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 111—136. (In Russ.).
- Burdansky, I. M., Yurovskaya, M. A. (1926). *Workload studio of the Tatar Communist University*. Kazan: [b. i.]. 77 P. (In Russ.).
- Central Flagship Archive of St. Mary. F. R-3299. Op. 1. d. 2174. L. 53—55 vol., 96; F. R-1428. Op. 5. D. 27. L. 21—26; F. R-4591. Op. 11. D. 397. L. 5.* (In Russ.).
- Itkind, G., Gorchakov, B. (1933). Budget time worker in the USSR. *Questions of professional movement*, 7: 23—31. (In Russ.).
- Kirzhner, D., Turubiner, B. (1928). Working hours of the Goretsky engineering staff. *Engineering work*, 12: 545—547. (In Russ.).
- Kirzhner, D., Turubiner, B. (1929). *Labor and fast engineering and technical teams in the mining industry*. Moscow: Exile of the Central Committee of Miners of the USSR. 93 p. (In Russ.).
- Kolesnikova, A., Peretova, T. (1927). Budget time of the studios of the pedagogical college named after the profile (decimal site). In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 86—102. (In Russ.).
- Labor, individual, Ron Komsomolets-activist (according to the mothers of the elective survey of the budgets of the time of active work of VLADKM).* (1926). Moscow; Leningrad: Youth Guard. 111 p. (In Russ.).
- Larin, Yu. (1929). *Industrial Alcoholism, and the board with it*. Moscow: Society for the Fight against Alcoholism. 47 p. (In Russ.).
- Lebedev-Patreiko, V., Rabinovich, G., Rodin, D. (1933). *Budget time of the labor force. (Based on the materials of the Leningrad survey)*. Leningrad: LNICH. 156 p. (In Russ.).
- Mikheev, V. (1932). *Time budget of workers and employees of Moscow and the Moscow region*. Moscow; Leningrad: Economy. 102 p. (In Russ.).
- Novikov, V. (1927). The time budget of the students of the pedagogical college named after Comrade Trotsky. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: imperious publishing House. 73—85. (In Russ.).
- Preliminary effect of the club (based on the study of documentation).* (1928). Moscow: Publishing House MGSPS "Work and book". 60 p. (In Russ.).
- Romm, M. D., Sysoev, S. C. (1927). *Basketball. 2nd ed.* Moscow; Leningrad: Centralized printing house of People's Commissariat for Military and Naval Affairs of the USSR. 112 p. (In Russ.).
- Semashko, N. A. (1926). Bolshevik and physical culture. *Shifts*, 2: S. 14. (In Russ.).
- Semenov, M. (1927). Budget time of the Moscow student of the pedagogical faculty. In: *Budget and time young*. Moscow; Leningrad: Imperious Publishing House. 57—72. (In Russ.).
- SNIK Decree of November 11 (October 29), 1917 "On an eight-hour working day". (1942). In: *Meeting of configurations and configurations for 1917—1918*. Moscow: Department of Affairs of the USSR Council of People's Commissars. 10—13. (In Russ.).

- Strumilin, S. (1924). *The budget of the time of the Russian worker and peasant in 1922—1923. Statistics-economy essays*. Moscow; Leningrad: interrogations of labor. 155 p. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1982a). Budget time of the Russian worker in 1922. In: *Problems of economical stocks of the court*. Moscow: Nauka. 178—189. (In Russ.).
- Strumilin, S. G. (1982b). Budget service time. In: *Problems of economical stocks of the court*. Moscow: Nauka. 215—229. (In Russ.).
- Well-known, Ya. C. (1930). *Budget, time and salary special. Statistics-economy essays*. Moscow: Gostudizizm. 116 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Artemov, V. A., Novokhatskaya, O. V. (2008). Empirical studies of time expenditure in the USSR (1920—1930s). *Sociological research*, 4 (228): 92—104. (In Russ.).
- Barysheva, E. V. (2020). “In a cheerful roar, in lights and bells”: a Soviet holiday in the social construction of a new society. Moscow: RSUH. 192 p. ISBN 978-5-7281-2587-7. (In Russ.).
- Grant, S. (2011). The Politics and Organization of Physical Culture in the USSR during the 1920s. *The Slavonic and East European Review*, 89 (3): 494—515. DOI: 10.5699/slaveasteurev.2.89.3.0494.
- Neumann, M. (2012). “Youth, it’s your turn!”: generations and the fate of the Russian Revolution (1917—1932). *Journal of Social History*, 46 (2): 273—304. DOI: 10.1093/jsh/shs098.
- Nezhigai, E. N. (2012). The time budget of the Kuban citizens in the 20s of the XX century. *Economy. Right. Print. Bulletin of the Kuban Socio-Economic Institute*, 3—4 (55—56): 129—136. (In Russ.).
- Patrushev, V. D., Artemov, V. A., Novokhatskaya, O. V. (2001). The study of time budgets in Russia of the XX century. *Sociological research*, 6: 112—120. (In Russ.).
- Sidorchuk, I. V. (2018). The struggle for a “new” morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s. *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences*, 9 (3): 7—15. DOI: 10.18721/JHSS.9301. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B. (2006). “Then on the gallop, then on the side”: Mass economic and political campaigns in the Petrograd / Leningrad industry in 1921—1928. St. Petersburg: Polytechnic University Publishing House. 530 p. ISBN 5-7422-1380-8. (In Russ.).
- Ulyanova, S. B. (2014). Alcohol consumption by workers of industrial enterprises in the 1920s. *The story in detail*, 4 (46): 82—87. (In Russ.).
- Vronskeya, A. (2013). From Socialist Culture to Capitalist Leisure. *Historic Gardens Review*, 28: 15—19.